
A29 1/27

РѢЧЬ,

О томъ, что истинное просвѣщенiе основывается на благочестiи и любви къ Отечеству,

ПО СЛУЧАЮ ВОСПОМИНАНIЯ ДНЯ ОСНОВАНIЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

И СОВЕРШИВШАГОСЯ ВЪ МОСКВѢ КОРОНОВАНIЯ

ГОСУДАРЯ

ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ I,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ

ВЪ СОБРАНIИ ЧЛЕНОВЪ УНИВЕРСИТЕТА

12 Января, 1827 года,

Ординарнымъ Профессоромъ, Надворнымъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ

Иваномъ Снегиревымъ.

Священныя чувствія благоговѣнія къ Богу и признательности къ Государю соединили насъ, П. С., въ день основанія сего святилища Наукъ, когда мы, начиная свою епоху, сближаемъ въ сладостномъ воспоминаніи прошедшее съ будущимъ и радуемъ сердце свое пріятнѣйшими надеждами и благими желаніями.

Но сколь различны были ощущенія наши, минувшаго года, въ етотъ торжественный для насъ день въ сравненіи съ настоящими! — Теперь мы, свидѣтели совершившагося въ царелюбивой Столицѣ Священнаго Коронованія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I, торжественно въ кругу своемъ воспоминаемъ сіе знаменитое событіе, въ которомъ видимъ свое благоденствіе; тогда, пораженные праведною скорбію, мы готовились срѣтать гробницу АЛЕКСАНДРА I, Покровителя Наукъ и Зиждителя общаго въ Россіи просвѣщенія.

Когда мы скорбѣли объ утратахъ, понесенныхъ нами въ годину всероссійскаго искушенія: АЛЕКСАНДРЪ I притекъ раздѣлить съ нами скорбь и утѣшить насъ обѣтомъ возстановленія святилища Наукъ, Праматерію Его основаннаго; когда мы еще оплакивали Вѣнценоснаго Благотворителя своего АЛЕКСАНДРА: НИКОЛАЙ I, вѣнчаніемъ на Царство возвеличенный, мvропомазаніемъ освященный, какъ лучезарная надежда, явился среди насъ Утѣшителемъ (*). Въ НИКОЛАѢ I узрѣли мы

(*) 1826 Года, Сент. 27 Государь удостоилъ своимъ посѣщеніемъ Москов. Университетъ.

АЛЕКСАНДРА I, Котораго все царствованіе было благотвореніемъ для Наукъ вообще и въ особенности для Московскаго Университета. Сіе посѣщеніе Царское, для насъ столь достопамятное и столь ободрительное, не есть ли залогъ Его вниманія къ сему заведенію, которое и Бабкою и Братомъ Его признано общеполезнымъ; не прибавляетъ ли оно къ сему торжеству знаменитости, питая насъ пріятнымъ воспоминаніемъ? Не ознаменовано ли оно было скромностію въ пришествіи Его, благодушіемъ въ обхожденіи и мудростію въ желаніи »видѣть въ питомцахъ Мо»сковскаго Университета прямо Рускихъ, находить здѣсь »не только внѣшнее, но и внутреннее благоустройство,« не только внѣшній блескъ, но и внутреннюю теплоту, способствующую къ прозябенію истины и добра въ душахъ, озаренныхъ свѣтомъ познаній.

Если *царствованіе* НИКОЛАЯ, по собственному Его изрѣченію, *будетъ только продолженіемъ царствованія АЛЕКСАНДРА:* то и оно будетъ исполненіемъ обѣтовъ Державнаго Брата Его — покровительствовать Наукамъ. Но что я сказалъ *будетъ?* когда уже первое лѣто Правленія Его ознаменовалось благотворнымъ Его вниманіемъ къ успѣхамъ просвѣщенія, наградами не только самихъ знаменитыхъ писателей нашихъ, но даже ихъ потомства? Не Онъ ли усладилъ послѣдніе дни Карамзина щедротами истинно Царскими семейству его? Не Онъ ли воздалъ честь его праху? Не Онъ ли въ лицѣ преложителя Гомера наградилъ пѣвца всѣхъ вѣковъ и народовъ? Изъ многихъ примѣровъ привожу здѣсь только сіи два потому,

что говорю о людяхъ близкихъ къ намъ, о питомцахъ Московскаго Университета — Карамзинѣ и Гнѣдичѣ.

Пройдите отечественную Исторію отъ Святаго Владиміра до Александра Благословеннаго — она будетъ намъ свидѣтельницею, что Государи Россійскіе были покровителями просвѣщенія, что ими вмѣстѣ съ православною Вѣрой введены науки въ Россію, и что они, зиждители благоденствія народа, основывали просвѣщеніе его на Вѣрѣ. Съ такою высокою цѣлію они избирали блюстителей Св. Вѣры въ блюстители нравственнаго и умственнаго образованія своихъ подданныхъ, примѣняя оное къ нравамъ и духу народа и соразмѣряя съ потребностями Государства своего. Что! еслибъ тучи, скопленныя смутами внутри и нападеніями извнѣ, не облегали Рускаго небосклона, на самомъ разсвѣтѣ обѣщавшаго прекрасное утро просвѣщенія: — тогда бы возсіялъ въ Отечествѣ нашемъ день для наукъ свѣтозарный и радостный — споручникъ общаго благоденствія; тогда бы разлились отъ края до края обширной Россіи живительные лучи просвѣщенія.

Протекло столѣтіе, какъ Преобразователь Россіи въ новосозданномъ градѣ своемъ торжественно возвѣстилъ: „Науки коловращаются въ свѣтѣ, подобно крови въ тѣлѣ „человѣческомъ. И я надѣюсь, что онѣ скоро переселятся „и къ намъ; и утвердя у насъ владычество свое, возвратятся наконецъ и на прежнее жилище свое, въ Грецію. Я „предчувствую, что Россіяне когда нибудь пристыдятъ

„самые просвѣщенные народы успѣхами своими въ Наукахъ, „неупомимостію въ трудахъ и величествомъ твердой и „громкой славы (*).“ —

Наши дни свидѣтели исполненія сихъ предсказаній Великаго Петра; Науки, нѣкогда у насъ гости званые, теперь обрусѣли и обсѣмьянились какъ родныя. Верховныя судьбы избрали АЛЕКСАНДРА и НИКОЛАЯ совершителями обѣтовъ Петра, Елисаветы и Екатерины — Науки обратить въ священный залогъ благоденствія Россіи, основавъ ихъ на религіи и любви къ Отечеству. — сихъ живоносныхъ источникахъ всего высокаго, нравственно добраго и прекраснаго въ человѣчествѣ. Тому десять лѣтъ, какъ въ семъ святилищѣ наукъ Спаситель Отечества и Европы изрекъ намъ въ незабвенное назиданіе, что *истинное просвѣщеніе основано на религіи* (**); здѣсь, великодушный Преемникъ Великаго Монарха открылъ намъ желаніе свое видѣть въ питомцахъ Московскаго Университета *истинно Рускихъ*. АЛЕКСАНДРЪ поставилъ благочестіе основою просвѣщенія тогда, когда въ свѣтѣ „злочестіе, въ отпадшихъ отъ Бога сердцахъ угнѣз„дившееся, лжемудрованіемъ воспитанное, таинствомъ „злохищренія и лжи облеченное, подъ личиною ума „и просвѣщенія скиталось изъ страны въ страну и „медоточивыми устами вѣвало въ неопытныя сердца

(*) Дѣянія Петра Великаго IV, стр. 372.

(**) 1816 года. На сіе изреченіе, сохраненное на доскѣ въ залѣ собраній Университетскаго Пансіона, читана рѣчь однимъ изъ воспитанниковъ онаго.

»и нравы сѣмена разврата и пагубы« (*). НИКОЛАЙ I тогда напомнилъ, что намъ должно быть *истинно Русскими*, когда зараза лжеумствованія, нанесенная извнѣ и въ Отечество наше (**), обнаружилась въ замыслахъ буйнаго своеволія, колеблющаго Богомъ утвержденные опоры царствъ и ослабляющаго святыя узы сѣмействъ. И кто же можетъ лучшій быть наставникъ и образецъ для народа въ благочестіи къ Богу и любви къ Отечеству, какъ не Глава православныя Церкви, какъ не Отецъ Отечества? Соединенный съ подданными своими, Онъ составляетъ союзъ, вѣнчаемый благословеніемъ неба и благоговѣніемъ земли. И гдѣ приличнѣе вспоминать наставленія и примѣры Царей, достойные нашего вниманія и разсужденія, какъ не въ семъ мѣстѣ, посвященномъ наукамъ и во время сего нравственнаго празднества, освященнаго нашею признательностью къ Вѣнценосцамъ нашимъ! —

Вѣра, нравы, любовь къ Отечеству и законы суть могущественнѣйшія изъ всѣхъ побужденій нравственныхъ: ими зиждется общее и частное благо, на нихъ должно основываться воспитаніе сѣмейное и общественное. — Человѣкъ воспитываетъ самъ себя, воспитывается природою и обстоятельствами; какъ гражданинъ, онъ состоитъ подъ вліяніемъ правительства и общаго мнѣнія; какъ человѣкъ, онъ получаетъ воспитаніе отъ вѣры, которое

(*) См. Манифестъ о ходѣ войны съ ея начала до прекращенія оной. 1816 года Января 1.

(**) Манифестъ 1825, Декабря 30.

возвышеннѣе, тверже и благотворнѣе, чѣмъ какое-либо другое воспитаніе: ибо оно укрѣпляя нравственное и возвышая умственное образованіе человѣка, миритъ сердце съ разумомъ, и обращается въ чистый и обильный источникъ возможнаго счастія, которое, по приговору судебъ, мы должны искупать трудами своими. Въ самомъ началѣ гражданской образованности религія является намъ первою учредительницею обществъ человѣческихъ — матерью нравовъ, законовъ и самыхъ наукъ: она напитываетъ юное сердце первыми уроками правоты и милости; будучи начало и конецъ судьбы нашей, она есть мудрость младенчества и юность старости. Если все земное поприще человѣка во времени ни что иное есть, какъ великое, безпрерывное предуготовленіе къ вѣчности: то одна религія начинаетъ и можетъ довершить сіе продолжительное воспитаніе, развивая и питая сокровенныя силы души нашей. Сія высокая наставница, сія благотворная руководительница смертнаго внушаетъ ему чувствія любви и покорности, благодарности и довѣренности; возвышаетъ душу и смиряетъ, укрѣпляетъ ее и смягчаетъ: ибо она есть свѣтильникъ умственной жизни — внутреннее просвѣщеніе; подобно аромату, предохраняя Науки отъ порчи (*), не только не препятствуетъ развитію силъ ума, но и направляетъ ихъ къ настоящей ихъ цѣли — къ нравственному совершенству, ведетъ каждаго путемъ истины къ добру и счастію, независимому отъ своенравія судьбы.

(*) Мысль Бакона; я пользовался также мыслями Гердера, Дежерандо и Ансильйона.

Нѣтъ ни одной обязанности, предписываемой разумомъ, коей бы религія не подтверждала и не освящала; нѣтъ ни одного совѣта мудрости и благоразумія, коего бы она не возводила до возможнаго совершенства. Такъ! религія дополняетъ великое воспитаніе человѣка и въ Государствѣ и въ семействѣ.

Чтобъ было, еслибъ вмѣсто вѣры, зиждущей всѣ добродѣтели и всѣ обязанности смертнаго, водворился въ человѣчествѣ холодный егоизмъ — эта кичливая перво-личность, обращающая сердце человѣческое въ могилу, гдѣ погребаются и истлѣваютъ всѣ благородныя, высокія и нѣжныя чувствованія? Тогда, что бы сталъ человѣкъ любить? чего бы надѣяться и о комъ бы заботиться? Тогда не было бы ни прекрасныхъ порывовъ къ общественному благу, ни безкорыстной любви къ отечеству! — Безъ религіи, съ остротѣвшимъ сердцемъ, съ душею своекорыстною, все себѣ присвояющею и ни чѣмъ не наслаждающеюся, человѣкъ жилъ бы безъ цѣли, умиралъ бы безъ упованія. Еще на нашей памяти, когда изувѣрство и безбожіе, *преданное въ умъ неискусенъ*, отвергло Божій алтарь и Государскій престолъ, и вмѣсто Бога, возхотѣло поклониться разуму: какой же символъ оно избрало для поклоненія ему? Живой кумиръ любострастія (*), поставленный при потокахъ крови согражданъ!

Безъ вѣры какое можно имѣть понятіе о святости долга своего и чести? Отъ чего убійственное равно

(*) См. Исторія революціи Французъ. въ XVIII вѣкѣ.

душіе ко благу отечества? Отъ чего нестроенія въ Государствахъ, раздоры въ семействахъ, развратъ въ обществѣ, начинаемый извиненіемъ пороковъ и оканчиваемый забвеніемъ своихъ обязанностей? Исторія вамъ говоритъ, что коль скоро охладѣетъ вѣра, ослабнетъ добродѣтель: тогда частные пороки сдѣлаются общественными и безстыдными, доблести праотцевъ обратятся въ посмѣяніе потомковъ, лжеумствованія замѣнятъ здравый смыслъ, — и тогда, горе Государству! — Если, по замѣчанію нѣкоторыхъ мыслителей, болѣзнь нынѣшняго вѣка есть слабость и недостатокъ твердости духа: то въ чемъ же найдемъ нравственную силу, торжествующую надъ препятствіями, встрѣчаемыми добродѣтелью, какъ не въ правилахъ Св. Вѣры — сильной преграды самолюбію, гордости и суетности, кои часто вмѣшиваются и въ просвѣщеніе? Если любомудріе сосредоточиваетъ въ себѣ истину, обязанность и счастіе: то оно находя въ религіи источникъ новой жизни и новаго свѣта, научаетъ человѣка обработывать свои способности, коимъ истинную цѣну и употребленіе показываетъ ему Вѣра. Кромѣ религіи, какая можетъ быть прочнѣе основа нравственному образованію и просвѣщенію умственному, которыя необходимы смертному для познанія самого себя и своихъ обязанностей, для достиженія возможнаго совершенства, а съ нимъ вмѣстѣ счастія? Всѣ труды вѣковъ, всѣ науки, всѣ наши опыты пожизненные ничто суть иное, какъ приуготовленіе къ сей великой для человѣчества наукѣ. И на семъ-то краеугольномъ камнѣ благочестивѣйшіе Государи наши созидали и зиждутъ просвѣщеніе ума

и сердца Богомъ ввѣреннаго имъ народа, который и въ язычествѣ своемъ слылъ у чужеземцевъ *набожнѣйшимъ* (*) и въ теченіи осьми вѣковъ Христіанскаго бытія своего отличаясь своимъ благочестіемъ къ Богу и преданностію къ Вѣнценосцамъ своимъ, всею силою политическою и нравственною и своимъ благоденствіемъ обязанъ былъ крѣпкой вѣрѣ и пламенной любви къ родинѣ. Свидѣтельствомъ сему Исторія наша. Въ Уставѣ первой Академіи въ Москвѣ, учрежденной Θеодоромъ II, поставлено главною цѣлію: *умноженіе свѣта разума во благочестіи* (**). Сими руководствуясь примѣрами вѣнценосныхъ Предковъ Своихъ и внимая убѣжденію собственнаго сердца, незабвенный Благотворитель Московскаго Университета, благословенный Монархъ нашъ, послѣ великихъ опытовъ на столь знаменитомъ поприщѣ царствованія Своего, намъ подтвердилъ здѣсь, что *истинное просвѣщеніе основано на Религіи и Евангеліи.*

Есть истины, изрекла Великая Екатерина, которыя должно повторять для блага человѣчества. Повторимъ здѣсь слова возлюбленнаго Царя нашего, нынѣ Божіею милостію право правящаго Россіею, слова достопамятныя потому еще, что онѣ обращены были къ питомцамъ

(*) Свидѣтели Іорнандъ, Прокопій, Гельмолдъ и пр.

(**) *Привилегіи Московской Академіи*, данныя Царемъ Θеодоромъ Алексѣевичемъ, 1682 года, въ ст. VII сказано: „Дѣтей своихъ не учити, точію въ „семъ единомъ общемъ училищѣ да учатся, во еже бы отъ разныхъ домовыхъ „учителей, паче же отъ иностранныхъ и иновѣрныхъ, противности какой-либо „вѣрѣ нашей православной не внестися и не быти разногласію.“

Московскаго Университета, и потому, что по смыслу своему соединяются съ изреченіемъ АЛЕКСАНДРА I, т. е. соединяютъ въ себѣ мысль о благочестіи и любви къ Отечеству: *будьте истинно Рускими.*

Истинно Руской не есть ли истинно благочестивый и преданный Государю своему и Отечеству? Какъ хвалили Государи наши вѣрныхъ слугъ своихъ, а добрые люди добрыхъ? *Онъ прямо Руской!* — Когда на берегахъ Рейна, на побѣдоносномъ пути къ Парижу, АЛЕКСАНДРЪ, желавшій быть другомъ въ землѣ враждебной, сказалъ воинамъ своимъ: *помните, что вы Рускіе!* — и Рускіе показали себя достойными своего имени великодушіемъ къ непріятелямъ. Какъ Римскіе полководцы, ведя воиновъ своихъ въ битву, говорили имъ: *помните, что вы Римляне* — и побѣждали; такъ Румянцевы, Суворовы и Кутузовы, вступая съ Рускими въ огонь сраженій, скажутъ: *Рускіе! пойдемъ и побѣдимъ* — идутъ и побѣдятъ. Сколь счастливъ тотъ народъ, у котораго самое имя его есть похвала и знаменіе его силы нравственной! Чтожъ иное даетъ могущество слову *Руской*, какъ не Вѣра съ любовью къ Отечеству! Для Рускаго въ словахъ *вѣра* и *отечество* сливается, такъ сказать, небо съ землею.

Человѣкъ пріобрѣтая титло Христіанина, заслуживаетъ титло добраго гражданина: живая, безкорыстная любовь къ отечеству земному есть ступень къ отечеству небесному. Сіе чувствіе, столь сродное сердцу нашему, если не имѣетъ другихъ источниковъ, кромѣ выгодъ, коими мы пользуемся въ своемъ Отечествѣ: отъ

чего же во всѣхъ вѣкахъ почитали его страстью душъ высокихъ и благородныхъ, отъ чего же Аристиды, Сократы и Фокіоны любили и неблагодарное отечество свое? — Сіе чувствіе нравственнодоброе, обоженное древнимъ Римомъ, ничто иное есть, какъ всеобщій законъ благожелательства, примѣненный къ тому тѣсному кругу, въ коемъ мы живемъ — законъ, внушенный природою, одобренный разумомъ, засвидѣтельствованный совѣстью и освященный вѣрою. Онъ хотя и повелѣваетъ желать благоденствія всему человѣчеству; но тогдажъ предписываетъ намъ особенно посвящать Отечеству свои дарованія, для него жертвовать своими склонностями, самою жизнію (*); *больши сея любве никто же иматъ, да кто душу свою положитъ за други своя* (**). »Отечество, по выраженію Платона, »дороже, почтеннѣе и святѣе отца, матери и всѣхъ род»ныхъ: самые боги и мудрецы признаютъ оное за нѣчто пре»восходное (***).« — »Да не возлюбитъ же никто чужбины — »гласитъ древній законодатель — болѣе своего отечества; »одно помышленіе о томъ есть уже начало измѣны. Весьма »несправедливо оставивъ родную землю, жить въ чужей; »ибо что можетъ быть для насъ сладостнѣе отече»ства (****)!«

(*) »Для Рускихъ — говоритъ Исторіографъ — одна Россія самобытна, одна »Россія истинно существуетъ: все иное есть только отношеніе къ ней, мысль, »привидѣніе. Мыслить, мечтать можемъ въ Германіи, Франціи, Италіи, а дѣло »дѣлать единственно въ Россіи, или нѣтъ гождапина, нѣтъ человѣка.« —

(**) *Іоанн.* XV. ст. 13.

(***) *Platonis opera*, ed. Bipont. in dial. Crito. Сравни *Cicero* de off. I.

(****) Fragmenta Zaleuc. leg. in. *Heynii opusc. Acad.* II.

Но отдѣлимъ истинную любовь къ отечеству отъ ложной; она не состоитъ въ слѣпомъ преувеличеніи всего своего; такъ равно не льзя назвать порывами патріотизма жалобы тѣхъ, которые, подъ видомъ любви къ отечеству, охуждаютъ все отечественное, во всемъ находятъ злоупотребленіе? Да узнаютъ сіи лицемѣрные ревнители и пристрастные судьи: что добрый сынъ отечества, если и находитъ въ немъ несовершенства, онъ обнаруживаетъ ихъ не съ злобною радостію, не съ укоризненнымъ разглашеніемъ, но съ духомъ кротости, съ тѣмъ благоговѣйнымъ уваженіемъ, съ какимъ смотримъ на слабости нашихъ родителей и друзей. — Если вы любите свое отечество: вы примете участіе во всемъ томъ, что касается до его благосостоянія: вы изъявите свое почтеніе и признательность тѣмъ, которые разпространяютъ просвѣщеніе и приготовляютъ счастіе будущимъ поколѣніямъ, занимаясь воспитаніемъ народа; вы порадуетесь всякой чертѣ благотворительности, мудрому закону, наградамъ заслугѣ, какъ будто собственному счастію; вы благословите въ душѣ своей всѣ благонамѣренные труды и предпріятія соотечественниковъ, могущіе нѣкогда принести полезные плоды отечеству вашему. Угрожаетъ ли какое бѣдствіе нравственное или естественное отечеству? вы почтете его бѣдствіемъ собственнаго вашего семейства; когда можете, помогите ему словомъ или дѣломъ: вы истинный сынъ отечества. — Но, скажутъ, какихъ услугъ можетъ отечество ожидать отъ бѣдняка, который и отечеству своему въ тягость, или отъ маломощнаго гражданина, лишеннаго возможности дѣлать ему добро? —

Еслибъ справедливо было, что преимущество сіе предоставлено однимъ только богачамъ и вельможамъ: какъ бы участь ихъ была завидна и большáя часть вѣрныхъ сыновъ отечества въ низкой долѣ своей осмѣлились бы дозволить себѣ ропоть на судьбу, что она отняла у нихъ средства быть полезными; но, къ счастію человѣчества, прекраснѣйшая добродѣтель не есть исключительное преимущество, и какое ни было бы различіе въ нашихъ состояніяхъ, силахъ и дарованіяхъ, нѣтъ такого человѣка, который бы не могъ быть полезнымъ своему отечеству. Какой бы ни былъ родъ нашихъ занятій, мы можемъ приносить пользу обществу, если одушевляетъ насъ патріотизмъ. Пастырь церкви и купецъ, воинъ и ученый, судья и земледѣлецъ — всякій въ свой чередъ способенъ служить отечеству своими средствами, въ своемъ кругѣ, въ свое время; и когда настанетъ часъ великихъ пожертвованій, когда отечество воззоветъ къ сынамъ своимъ — ихъ знанія, ихъ имущество, ихъ время, самая жизнь ему посвятится, какъ благородная жертва. О! сколь утѣшительна мысль, что патріотизмъ есть достояніе всѣхъ чиновъ, всѣхъ возрастовъ и состояній! Знаменитые въ етомъ примѣры мы видѣли во времена священной брани и великодушныхъ жертвъ народа, коихъ жертвенникомъ была Москва — сама искупительная жертва за Россію. На етомъ жертвенникѣ возлагали приношенія свои и питомцы Московскаго Университета, обязаннаго бытіемъ своимъ любви къ Отечеству.

Приготовить Отечеству не только просвѣщенныхъ граждан не только ученыхъ, но и добрыхъ, сыновъ, Пре-

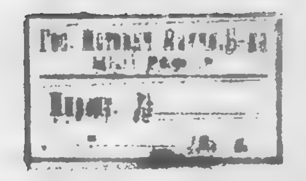
столу неизмѣнныхъ слугъ, церкви вѣрныхъ членовъ — есть священная обязанность, которую всегда имѣлъ въ виду Московскій вертоградъ просвѣщенія, насажденный кроткою Елисаветою, въ теченіи семидесяти лѣтъ бытія своего съ благодарностію пользуясь щедротами Монарховъ своихъ и удостоиваясь высокаго ихъ благоволенія. И нынѣ, подъ благотворною Державой *НИКОЛАЯ* правосуднаго, соединяя съ цѣлію столь возвышенною, какова любовь къ Богу и Отечеству, средства столь благородныя, каковы Науки, потщится Университетъ оправдать благія намѣренія Монарха своего, „Который," по собственному Его изрѣченію, „не имѣетъ другихъ желаній, какъ видѣть Отечество на самой вышшей степени счастія »и славы, Провидѣніемъ ему предопредѣленной."

Тогда только просвѣщеніе можетъ соединить свои цѣли съ намѣреніями правительства и духъ семейнаго воспитанія съ общественнымъ мнѣніемъ, когда, заключая въ себѣ воспитаніе и ученіе, или образованіе ума и сердца, приметъ себѣ въ непоколебимое основаніе благочестіе и любовь къ Отечеству. Училища общественныя тогда сдѣлаются посредниками между домомъ родительскимъ и свѣтомъ, между Правительствомъ и народомъ, и въ наукахъ откроютъ питомцамъ своимъ новыя побудительныя причины святить обязанности свои, любить свое Отечество, своего Государя и свои законы; но »тщетны »будутъ всѣ усилія, всѣ пожертвованія Правительства" — взываетъ Монархъ нашъ — »если семейное воспитаніе не »будетъ приготовлять нравы и содѣйствовать его выго»дамъ.« — Да возревнуютъ же всѣ званія и сословія

къ возвышенiю общаго блага распространенiемъ истиннаго просвѣщенiя, а съ нимъ вмѣстѣ добрыхъ нравовъ, кои прочнѣе самихъ законовъ: да будетъ у насъ просвѣщенiе, по слову Цареву, *отечественнымъ*, *природнымъ*, *нечужеземнымъ*; изъ чужихъ источниковъ станемъ заимствовать не одну *роскошь полупознанiй*, не одинъ блескъ холодный, но единственно то, что совмѣстно съ вѣрою, что согласно съ духомъ правленiя и народа, что истинно полезно и благопримѣнительно, сохраняя изъ доброй старины своей то, что не противорѣчитъ разуму, что питаетъ доблесть народную. Самобытная Россiя не бѣдна въ средствахъ къ развитiю силъ ума народнаго и къ освобожденiю его отъ помочей чужеземныхъ, кои въ сущности ярмо для него, *любящаго просторъ*; она предѣлами обширна, климатами разнообразна, землями плодоносна, духомъ народнымъ доблественна и языкомъ славна; »Рускимъ, по замѣчанiю Великiя Екатерины, Богъ далъ »отличныя отъ другихъ свойства.«

Священные обѣты нашего Государя суть непреложныя обязанности для сего высшаго училища. Предметомъ ихъ вы, питомцы Наукъ, предметъ попеченiй Самодержца, вы надежда Отечества, родителей и наставниковъ! Щедроты Монаршiя вамъ даровавъ безмездныя средства къ образованiю ума и сердца, вмѣстѣ съ тѣмъ открываютъ благородные пути для дѣятельности вашей въ обществѣ, гдѣ ожидаютъ васъ вмѣстѣ съ подвигами награды и отличiя. Въ какое званiе вы ни вступите, вездѣ можете быть полезными Отечеству, какъ вѣрные сыны его, какъ *прямо Рускiе*,

и вездѣ приобрѣсть уваженіе себѣ и честь мѣсту своего воспитанія своимъ благочестіемъ, усердіемъ къ службѣ званія своего и добрыми нравами — споручниками счастія! *Сего требуетъ отъ васъ ваша православная Вѣра, ваше Отечество и Царь вашъ* (*): Царь вашъ! сладостное имя для Рускаго. О, да будетъ Царь нашъ счастливъ среди подданныхъ своихъ, какъ счастливый отецъ среди дѣтей своихъ!

(*) Слова изъ Высочайшаго Приказа Императора Александра, данн. 1812 года, Дек. 25 въ Вильнѣ.

